

DRRZ

Deutsch-Russische
Rechtszeitschrift

Германо-Российский
юридический журнал

German-Russian
Law Review

Band 4 | 2019 | Heft 2

АЛЕКСАНДР В. САЛЕНКО
**Россия и Совет Европы:
кризис отношений (2014–2019)**

TANJA GALANDER/RAINER WEDDE
**Umfrage zur Rechtsstaatlichkeit
in Russland**

КАМИЛЬ М. АРСЛАНОВ
**Правовой режим криптовалюты по
российскому и германскому праву**

JÜRGEN TELKE
**Der aktienrechtliche Aufsichtsrat
im internationalen Vergleich**

VLADIMIR PRIMACZENKO/IGOR RENZ
**Aktuelle Veränderungen
im russischen Erbrecht**

RAINER WEDDE
**Ein Blick auf die russische
Rechtskultur**

Berliner
Wissenschafts-Verlag

Inhalt

Die erste Seite/Первая страница	106
Beiträge	109
АЛЕКСАНДР В. САЛЕНКО	
Россия и Совет Европы: кризис отношений (2014–2019)	109
TANJA GALANDER/RAINER WEDDE	
Umfrage zur Rechtsstaatlichkeit in Russland	114
КАМИЛЬ М. АРСЛАНОВ	
Правовой режим криптовалюты по российскому и германскому праву	117
JÜRGEN TELKE	
Der aktienrechtliche Aufsichtsrat im internationalen Vergleich	126
VLADIMIR PRIMACZENKO/IGOR RENZ	
Aktuelle Veränderungen im russischen Erbrecht	132
RAINER WEDDE	
Ein Blick auf die russische Rechtskultur	145
Rechtsprechung	155
<i>(Beiträge von Rainer Wedde/Alexey Fedoryaka, Alena Ilina/Artem Boyko, Denis Fedotov/Alexander Shmagin)</i>	
Rezensionen	174
<i>(Beiträge von Hans-Joachim Schramm/Rainer Wedde)</i>	
Aus Forschung und Lehre	179
<i>(Beiträge von Antje Himmelreich/Tanja Galander/Rainer Wedde)</i>	
Gesetzgebungsübersicht	190
<i>(Otto Luchterhandt/Dmitry Marenkov)</i>	

Die erste Seite**Deutsch-Russische Urteilsanerkennung: Wer geht voran?**

Um den Rechtsverkehr zwischen Deutschland und Russland ist es seit vielen Jahren nicht zum besten bestellt. Russland erkennt ausländische Urteile nur an, wo ein Staatsvertrag dies vorsieht, und der besteht zwischen unseren Ländern nicht. Deutschland ist zwar offener, verlangt aber gem. § 328 ZPO die Verbürgung der Gegenseitigkeit. Das OLG Hamburg hat zuletzt mit sorgfältig begründetem Urteil vom 13.7.2016 (DRRZ 2016, S. 127 ff. mit Anmerkung von Wedde) festgestellt, dass es daran fehlt, weil einige russische Entscheidungen explizit die Anerkennung deutscher Urteile abgelehnt haben.

Im Ergebnis besteht eine wechselseitige Blockade. Privatpersonen leiden unter der staatsbezogenen Regelung der Anerkennungsfrage. Dies ist mit den Bedürfnissen des deutsch-russischen Wirtschafts- und Rechtsverkehrs nicht zu vereinbaren, die nach der Rechtsprechung des BGH einen „großzügigen Maßstab der ‚Verbürgung‘“ nahelegen. (BGH NJW 1999, 3198 sub IV 4 d). Neue Bemühungen und Ideen sind erforderlich! In dem Klima gegenseitiger Sanktionen wird man eine politische Lösung nicht erwarten.

Russische Autoren verweisen darauf, dass einige Arbitragegerichte den Begriff des völkerrechtlichen Vertrages, den es für die Anerkennung eines ausländischen Urteils braucht, großzügig auslegen und z.B. das Partnerschaftsabkommen von Korfu zwischen der EU und der Russischen Föderation von 1994 (ABl. EU 1997 L 327/3, Asoskov in *Encycl. of Priv. Int'l Law*, 2017, S. 2461) oder auch die Europäische Menschenrechtskonvention (EMRK, *Abyskhko*, YB Priv.Int'l Law XX (2019) 217–231, 223 ff.) als einen solchen Vertrag ansehen. Manche scheinen das Erfordernis eines völkerrechtlichen Vertrages auch als Ausdruck des allgemeineren Rechtsgedankens der Reziprozität zu verstehen, die Gerichte selbst prüfen können. Doch ist die Judikatur uneinheitlich und sind die Urteile nicht näher begründet. Immerhin dokumentieren sie Problembewusstsein und den Lösungswillen der Arbitragegerichte.

Deutsche Gerichte sollten diesen Ball aufnehmen. Dass in Russland zugesprochene private Rechte in Deutschland aus Gründen nicht durchgesetzt werden, die allein im öffentlichen Interesse liegen (BGH aaO zu § 328 Abs. 1 Nr. 5 ZPO) ist mit Art. 6 EMRK nicht zu vereinbaren. Das Recht auf ein faires Verfahren und effektiven Rechtsschutz ist vom EGMR auch auf die Anerkennung ausländischer Urteile erstreckt worden (EGMR 31.7.2012, *Sholokhov c. Arménie et Moldavie* (40358/05), Erw.66). Das Erfordernis der Gegenseitigkeit ist damit kaum vereinbar und jedenfalls flexibel zu handhaben. Es entspräche dem Geist dieser Rechtsprechung, wenn deutsche Gerichte darauf ganz verzichten oder seine Anwendung jedenfalls aussetzen, um russischen Gerichten Gelegenheit zu geben, ihrerseits eine anerkennungsfreundliche Tendenz zu verfolgen.

Prof. Dr. Dr.h.c.mult. Jürgen Basedow, LL.M. (Harvard Univ.), Direktor em., Max-Planck-Institut für ausländisches und internationales Privatrecht, Hamburg, und Mitglied des Institut de Droit international.

Первая страница

Германо-Российское признание судебных решений: Кто впереди?

Правоотношения между Германией и Россией в течение многих лет оставляют желать лучшего. Россия признает иностранные судебные решения только в случае, если это предусмотрено международным договором, а между нашими странами такого договора нет. Германия более открыта в этом вопросе, но требует в соответствии с § 328 Гражданского Процессуального Кодекса (ZPO) гарантии взаимности. Высший земельный суд Гамбурга в тщательно обоснованном решении от 13.7.2016 г. (DRRZ 2016, S. 127 ff. с замечанием Wedde) пришел к выводу, что такая взаимность отсутствует, поскольку некоторые российские судебные решения явным образом отклоняют признание германских судебных решений.

В результате образуется взаимная блокада. Частные лица страдают от такого поставленного в зависимость от государства регулирования вопроса признания судебных решений. Это несовместимо с потребностями германо-российских экономических и правовых отношений, которые, согласно судебной практики Верховный федеральный суд Германии (BGH), предполагают «щедрый масштаб «гарантии»» (BGH NJW 1999, 3198 sub IV 4 d). Требуется новые усилия и идеи! В атмосфере взаимных санкций политического решения ожидать не приходится.

Российские авторы отмечают, что некоторые арбитражные суды широко толкуют концепцию международного договора, который необходим для признания иностранного судебного решения и, например, признают таким договором Соглашение о партнерстве Корфу между ЕС и Российской Федерацией от 1994 г. (ABl. EU 1997 L 327/3, Асосков Энциклопедия международного частного права (Encycl. of Priv. Int'l Law), 2017, стр. 2461), а также Европейскую конвенцию по правам человека (Европейская конвенция по правам человека, Абышко YB Priv.Int'l Law XX (2019) 217–231, 223 ff.). Некоторые понимают требование наличия международного публичного договора как выражение общей правовой концепции взаимности, которую суды могут самостоятельно проверять. Однако судебная практика неединообразна, и судебные решения подробно не обоснованы. Тем не менее они демонстрируют осознание проблемы и попытки решения арбитражными судами.

Теперь очередь за германскими судами. Тот факт, что частные права, подтвержденные судебным решением в России, не исполняются в Германии, уже по причинам общественного интереса (BGH, там же к § 328 абз. 1 № 5 ZPO), не согласуется со статьей 6 Европейской Конвенции по правам человека. Право на справедливое судебное разбирательство и эффективную правовую защиту было распространено Европейским судом по правам человека также и на признание иностранных судебных решений (Европейский суд по правам человека 31.7.2012, Шолохов с. Arménie et Moldavie (40358/05), преамбула № 66). Требование взаимности, таким образом, с этим сложно

согласуется и с ним следует, как минимум, гибко обращаться. И это не противоречило бы духу прецедентной практики, если германские суды полностью откажутся от нее или в любом случае приостановят ее применение, чтобы дать российским судам возможность придерживаться тенденции, благоприятствующей признанию.

Проф., доктор, почетный доктор Юрген Базедов, LL.M. (Гарвардский Университет), директор в отставке, Институт сравнительного и международного частного права имени Макса Планка, Гамбург, и член Института международного права (Institut de Droit international).